

Для цитирования: Палецких Н. П. Семейно-бытовые аспекты тыловой повседневности: на материалах Урала периода Великой Отечественной войны // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 121—129.

УДК 94(47).084.8 (1-072)

СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ АСПЕКТЫ ТЫЛОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Палецких Надежда Петровна,

Государственный исторический музей
Южного Урала, заведующий сектором
«От великих потрясений к Великой Победе»
отдела «Россия — моя история»,
доктор исторических наук,
Российская Федерация, 454000,
г. Челябинск, ул. Труда, 100.
E-mail: palenad@mail.ru

Аннотация

В статье впервые в региональной историографии предпринята попытка специального исследования отдельных семейно-бытовых аспектов повседневной жизни населения Урала в годы Великой Отечественной войны. Теоретической основой работы послужила гипотеза о мобилизационном характере советского общества периода Великой Отечественной войны. Источниковую базу исследования составили документы, выявленные в уральских архивах, сведения, опубликованные в научной литературе, эго-материалы. На конкретно-историческом материале Большого Урала (5 областей и 2 автономных республик) показано разделение семей на полные и неполные, в том числе дистантные, местные и эвакуированные. Рассмотрено влияние на структуру семьи и внутрисемейные роли гендерного дисбаланса в составе уральского населения, а также массового вовлечения женщин в систему военной экономики. Охарактеризованы меры социальной помощи детскому населению. Проанализированы формы государственной помощи семьям военнослужащих, описаны самообеспечивающие семейно-бытовые практики. Показано преломление семейно-брачной реформы 1944—1945 гг. в уральской повседневности. Проведенное исследование позволило сделать главный вывод: несмотря на неблагоприятные условия существования семьи в годы войны, она как социальный институт не была разрушена и продолжала выполнять свои функции.

Ключевые понятия:

тыловая повседневность,
семейно-бытовые практики,
Урал,
Великая Отечественная война.

Комплекс внешних и внутренних обстоятельств и факторов современного развития России актуализирует тематику истории Великой Отечественной войны, истоков Победы в ней, делает особенно важной научную разработку всех вопросов, связанных с категориями «советское общество», «советский народ», «советский человек». Трудными несколькими поколениями отечественных ученых создана объемная картина жизни советского тыла, его всемерной помощи фронту ради общей Победы. Панорама героического подвига населения Урала раскрывается в значительном числе научных работ разного формата, посвященных социальной истории региона [12]. В постсоветский период уральская историография обогатилась новыми исследовательскими направлениями. В частности, трудами Г. Е. Корнилова [6; 7] было положено начало серии работ историко-демографического спектра [1; 4; 18; 19]. Появились диссертации, отразившие через обращение к бытовой сфере наряду с социально-демографическими и социально-политическими характеристиками отдельные антропологические смыслы тыловой повседневности на Урале [2; 17]. Вопросы демографической политики и ее претворения в социальной реальности так или иначе поднимались в публикациях по социальной политике, гражданскому здравоохранению, по проблемам приема и обустройства эвакуированного населения [10; 11; 13; 14; 16; 20].

Анализ демографических процессов, бытовой повседневности, социальных ресурсов с неизбежностью побуждает исследователей затрагивать вопросы семейной политики, брачно-семейных отношений и освещать их в качестве попутных сюжетов. На общероссийском уровне проблема семьи как пространства частной жизни советского человека военной поры впервые была комплексно представлена в монографии Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидиновой, Т. П. Хлыниной. Авторы выделили два крупных блока в рассмотрении этой темы: государственное регулирование брачно-семейных отношений и их динамика в годы войны, специфика внутрисемейных взаимоотношений в условиях военного времени [9]. Из уральских авторов следует назвать Е. А. Чайко [23; 24], в диссертации которой на локальном материале двух районов Челябинской области анализировались брачно-семейные отношения населения в 1920—1950 гг. Небольшая статья, посвященная одной из сторон семейно-родственных отношений — переписке фронтовиков с родными в Оренбуржье, была опубликована

Р. Р. Хисамутдиновой [22]. Других уральских работ, специально освещающих тему бытования семьи в годы войны, не обнаружено.

Автор предлагаемого ниже сообщения, не претендуя на полноценное освещение проблемы, свою задачу усматривает в том, чтобы, опираясь на указанные историографические ресурсы и привлекая разные виды источников, кратко рассмотреть преломление социальной и демографической политики государства в повседневных семейно-бытовых практиках уральского населения периода Великой Отечественной войны.

Семья, будучи малой социальной общностью, основанной на браке и кровном родстве, удовлетворяет насущные человеческие потребности, выполняет важнейшие функции: репродуктивную, хозяйственную, воспитательную, досуговую и др. Война стала суровым испытанием на прочность всех социальных институтов советского общества, в том числе брака и семьи. Архивные документы и мемуарные источники свидетельствуют о массовом предощущении грядущих утрат и лишений, охватившем в первые дни войны женскую часть уральского населения. Крупномасштабные воинские мобилизации июня и августа 1941 г., под которые попадали мужчины 1890—1918 гг. рождения, привели к резкому гендерному дисбалансу в составе тылового населения, прежде всего сельского. По данным В. А. Исупова, уже к концу 1941 г. районы Урала «отдали» в армию более 65 % мужчин в возрасте 18—45 лет [3, с. 11]. Этот демографический факт в совокупности с эвакуационным процессом и общим ухудшением социальной реальности предопределил негативную направленность в динамике основных показателей естественного движения населения в регионе: брачности, рождаемости, смертности.

Подробная характеристика трансформации этих показателей на Урале дана в монографии Г. Е. Корнилова [7, с. 43—102]. Опубликованная им статистика позволяет говорить о том, что важным признаком социально-демографической ситуации на Урале военных лет стали структурные изменения семьи как первичной ячейки общества, в которой традиционные формы ее организации (супружество, отцовство, материнство), соединявшие разные поколения, подвергались разъединению и дроблению. Семьи становились неполными (при постоянном отсутствии родителя-кормильца) и дистантными (при временном отсутствии членов семьи, сохранявших родственные связи с семьей). В полных семьях, несмотря на самостоятельный заработок женщин и их

участие в пополнении семейного бюджета, сохранялся главенствующий статус мужа. В неполных и дистантных семьях в условиях гендерно-возрастной диспропорции роль фактического главы перешла к женщинам и старшим детям. На них легло тройное бремя: забота об оставшихся членах семьи, домашнее хозяйство, участие в общественном производстве.

Обращение к источникам личного происхождения, в частности к семейной переписке военных лет, убеждает в том, что фронтовики, находясь далеко от дома, не забывали о своих семейных обязанностях, старались морально поддерживать свои семьи, стремились быть в курсе их событий, заботились о родителях, давали советы женам, воспитывали своих детей, братьев и сестер. Тяга к сплочению разделенной между фронтом и тылом семьи была обоюдной. *«Переписка с родными людьми, воспоминания о родном доме как ничто другое эмоционально поддерживали красноармейцев, добавляли им стойкости. В свою очередь материальная и моральная помощь, которая поступала со стороны военнослужащих в семьи, имела порой первостепенное значение для их нормального существования»* [9, с. 131].

Война разделила семьи и по признаку «местные — эвакуированные». При этом многие прибывшие по эвакуации семьи рабочих и служащих фактически оказались в положении временно разъединенных, так как жилой фонд уральских городов и рабочих поселков лимитировал размещение всех приезжих, особенно в первый год войны. Характерно решение властей Молотовской области от 9 октября 1941 г. о расселении рабочих эвакуированных заводов: вторых членов прибывающих семей разместить временно в сельской местности на 1,5—2 месяца, а прочим родственникам — «на постоянно». Семьи смогли воссоединиться лишь по мере того, как на предприятиях разворачивалось строительство упрощенного жилья (землянок и барачков) и передавались под жилье нежилые помещения. В середине войны первый секретарь Молотовского обкома ВКП(б) Н. И. Гусаров отмечал, что сотни рабочих семей живут в сырых и холодных подвалах, наспех приспособленных под жилье¹. Жилищная ситуация в деревне для эвакуантов, судя по всему, зависела прежде всего от степени уплотнения заселенности деревенских изб, но и тут имелись случаи

¹ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 38. Л. 149; Оп. 9. Д. 3. Л. 80.

использования нежилых помещений (надворных построек, бань, теплушек, конных дворов).

В силу военно-оборонной необходимости женщины были максимально вовлечены во все отрасли народного хозяйства. На смену трудовому добровольчеству домохозяйек начальных месяцев войны пришла трудовая мобилизация женщин, в том числе имевших малолетних детей, в промышленность и строительство, на транспорт, на сезонные сельскохозяйственные работы. С предельной остротой встал вопрос о детских дошкольных учреждениях. Развитие их сети в городах шло за счет перегрузки имевшихся детсадов и яслей, перевода на круглосуточный режим работы. Из-за отсутствия мест или закрытия учреждения матери либо не могли выйти на работу, либо вынуждены были брать малышей с собой в заводские цеха, как, например, на Шадринском металлзаводе¹. Общесоюзным стандартом промышленной санитарии того времени² предусматривалось наличие на предприятиях помещений для кормления грудных детей, но в условиях войны такие помещения на уральских заводах отсутствовали или использовались не по назначению. Появились «ясли на дому»: дети, зачисленные в стационарные учреждения, получали от них питание и медицинское наблюдение, но находились дома под присмотром нетрудоспособных родственников или соседей. Имелись и неформальные ясли и сады, когда пожилым родным и знакомым матери поручали уход за группами детей.

В сельской местности стационарных постоянных дошкольных учреждений было немного. Устроить в них всех нуждающихся было невозможно. При некоторых школах открывали «детские комнаты» для малолетних братьев и сестер учащихся, которые таким образом получали возможность продолжать учебу³. В период страды действовали передвижные ясли, то есть на время кормления грудных детей привозили к матерям на поле, а кое-где ясли устраивались прямо в полевых станах⁴. Практика создания сезонных учреждений расприралясь. В Башкирии, Молотовской и Чкаловской областях в 1943 г. их открылось на 39,4 % больше,

чем в 1940 г. Это позволило на 41,3 % увеличить прием детей⁵.

Устройство малолетних детей в дошкольные учреждения, борьба за всеобщий составляли важнейшую часть решения общегосударственных задач по спасению советской семьи от пагубных последствий войны. В то же время избежать такого явления, как массовое беспризорничество, в тех условиях было невозможно. В глубоком тылу — на Урале — дети оставались без надзора и попечения в силу трудовой занятости родственников, сокращения занятий в школах до 2,5—3 часов в день. В Свердловской области летом 1944 г. более половины прошедших через детские приемники милиции безнадзорных и беспризорных детей в возрасте от 3 до 15 лет имели родителей. Дети лишались семейного присмотра из-за смерти или арестов взрослых членов семьи.

Война как общая беда, борьба за спасение Отечества вместе с тем для каждой семьи означала ее борьбу за самосохранение. При всеобщности низких потребительских стандартов возможности материально-бытового обеспечения у семей были разными. На особые трудности выживания были обречены заведомо неполные местные и эвакуированные семьи фронтовиков. Прагматика социальной политики воюющего государства диктовала необходимость приоритетной социальной защиты семей военнослужащих, всесторонней помощи им. Газета «Правда» в передовой статье 5 июля 1941 г. заверяла фронтовиков: «*Не беспокойтесь о своих женах и детях, отцах и матерях. Сражайтесь смело, родные, славные сыны Советской страны. Весь народ, каждый советский человек отвечает перед вами, дорогие товарищи, за спокойствие, благополучие ваших семей*». Обобщенные нами материалы по Уралу свидетельствуют о том, что на протяжении всех военных лет семьи военнослужащих и инвалидов войны были постоянным объектом адресной государственной помощи. Формами ее стали пенсии и пособия, целевые товарные фонды, налоговые льготы, преимущественное обеспечение жильем, топливом, огородными участками, местами в детских учреждениях [13, с. 144—160].

Констатируя постоянное внимание Коммунистической партии и советского государства к семейно-бытовым проблемам тылового социума, а также вполне реальные усилия по их решению или смягчению, насколько

¹ ГАОПДКО. Ф. 62. Оп. 2. Д. 63. Л. 63.

² Сборник важнейших официальных и справочных материалов по санитарным и противоэпидемическим вопросам. М.; Л.: Медгиз, 1941. С. 231—309.

³ См., напр.: ГАОО. Ф. 1893. Оп. 3. Д. 34. Л. 2.

⁴ Челябинский рабочий. 1942. 3 марта; Правда. 1942. 24 июля; ОГАСО. Ф. П-168. Оп. 2. Д. 222. Л. 57 и др.

⁵ Рассчитано по: ЦГИА РБ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 115. Лл. 31, 32; ГАСО. Ф. 830. О. 1. Д. 41. Л. 34; ГАОО. Ф. 1893. Оп. 3. Д. 34. Л. 5.

было возможно в обстановке опустошительной войны, в то же время было бы неверно абсолютизировать эффективность принятых мер. Массовость и неизбежность самих этих проблем составляют печальную фактуру социальной истории военной поры. Воплощение в социальную практику властных установок и намерений наталкивалось на бесчисленное количество ограничителей: безусловный приоритет оборонных задач, материально-финансовые ресурсы государства, невозможность охватить учетом и помощью всех нуждающихся, бюрократические препоны и нерасторопность со стороны местного управленческого аппарата и т. д. В те годы обращалось особое внимание на работу с просьбами и жалобами, присылаемыми как самими фронтовиками, так и членами их семей. Реагировать на них требовалось в течение 10 дней. Нерадивых ответственных работников, уличенных в фактах бездушиного, формально-бюрократического отношения к семьям военнослужащих, «за политическое недомыслие» наказывали объявлением выговоров, снятием с работы. В случае преступных деяний привлекали к уголовной ответственности «за произвол», «за антигосударственное отношение к семьям фронтовиков», «за нарушение революционной законности». В течение первой половины 1943 г. в Удмуртии за преступное отношение к семьям военнослужащих было осуждено на разные сроки 10 должностных лиц¹.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» от 26 июня 1941 г. пособия полагались семьям, в которых имелись бывшие иждивенцы военнослужащих. В зависимости от числа нетрудоспособных в семье пособия назначались в размере 100—200 р. в месяц на семью в городе и 50 % этих сумм в сельской местности. Семьям тех, кто оказался в рабочих батальонах, пособия не назначались². Условия назначения пособий в ходе войны менялись. Так, на основании приказа Ставки Верховного Командования РККА № 270 от 16 августа 1941 г. лишались пособий семьи сдавшихся в плен красноармейцев. С июля 1942 г. до 250 р. был увеличен размер пособий для тех городских семей, в которых при отсутствии трудоспособных

было 5 и более человек, и до 200 руб. для семей, где при двух работоспособных имелось 5 и более иждивенцев.

Столь же малыми и зависевшими от характера занятий до воинской службы и числа нетрудоспособных были пенсии семьям погибших и пропавших без вести. Например, семья погибшего фронтовика, который до службы жил в сельской местности и был связан с сельским хозяйством, при наличии одного нетрудоспособного получала 40 р. в месяц, при двух нетрудоспособных — 56 р., при трех и более — 72 р.³ В случае гибели неженатого и не работавшего до армии красноармейца его родители пенсию за погибшего не получали. Они оказывались в катастрофической жизненной ситуации, если не имели трудоспособных родных. В лучшем случае их прикрепляли к общественным столовым для престарелых членов семей фронтовиков, т. е. к столовым, куда поступали продукты, собранные в ходе кампаний помощи, или помещали в дома старчества (для колхозников)⁴.

Правоприменительная практика предполагала взаимодействие военкоматов, собесов, исполкомовских отделов по гособеспечению семей военнослужащих, комитетов помощи раненым, инспектуры по хозяйственному и бытовому устройству эвакуированных, а также действенное вмешательство военных отделов партийных комитетов, других массовых общественных организаций. Наладить такое взаимодействие было крайне сложно. При назначении пособий и пенсий возникало множество нюансов и неразберихи, начиная от качества учета семей военнослужащих. Миньярский райсобес Челябинской области в объяснительной записке сообщал, что 210 из 2590 заявителей было отказано в пособиях по разным причинам: военнослужащие изъяты из армии органами НКВД, фронтовик комиссовался и прибыл домой по болезни, дети в семье от разных отцов, у трудоспособной матери только один ребенок⁵. В результате далеко не все семьи получали государственное вспомоществование. В 1944 г. на Урале число учетных семей военнослужащих составляло 1 518 905, а пособия и пенсии получали 758 546 из них — 49 %. По областям и автономным республикам Урала данный показатель колебался от 41 до 59 %⁶.

³ ОГАЧО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 108. Л. 120.

⁴ См., напр.: ЦГАОО РБ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 1725. Л. 59; Красная Башкирия. 1944. 30 апр.

⁵ ОГАЧО. Ф. П.-310. Оп. 1. Д. 1361. Л. 12.

⁶ Рассчитано автором по множественным данным из фондов 7 уральских архивов.

¹ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 14. Д. 673. Л. 10.

² Трудовое законодательство военного времени. М.: Изд-во ВЦСПС: Профиздат, 1943. С. 147—151; Социальное обеспечение. 1941. № 7—8. С. 5—6.

Пособия и пенсии семьям фронтовиков не назначались автоматически. Заявление о назначении пособия или пенсии должно было подкрепляться десятками справок, детально характеризующих состав семьи. Подача ходатайства часто сопровождалась бюрократической волокитой и чиновничьим равнодушием. Красноармейка Б. из Удмуртии, имевшая троих детей в возрасте от 1,5 до 12 лет, в течение нескольких месяцев 9 раз ходила за 12 км в Ижевский райсобес, но каждый раз зав. райсобесом «записывал ее местожительство, и на том всё кончалось». Причина: ее семья не была указана в списке сельсовета как семья военнослужащего потому, что сельсовет не получил справку из райвоенкомата о том, что муж Б. был мобилизован еще в июне 1941 г. Семья красноармейца Г. в Шаранском районе БАССР не могла добиться пособия в течение года, поскольку Г. пропал без вести на фронте, а жена не могла предоставить справку о его местонахождении¹.

Имелись случаи, когда документы на пособия и пенсии люди не могли выправить потому, что на пути от военкомата до семьи погибшего воина «похоронки» терялись. Так, весной 1944 г. в Туринске Свердловской области были выявлены вопиющие факты преступной практики извещения родственников погибших бойцов. В нарушение установленного порядка секретарь горсовета попросту зачитывала списки погибших на совещаниях уличных комитетов, а те устно извещали родственников. У работника горсовета скопилось 64 «похоронки» годичной давности, не врученные семьям погибших².

Недостаточность государственного социального обеспечения, отчасти компенсируемая ширококомасштабными кампаниями общественной помощи, ориентированными на материальную поддержку самых остро нуждающихся (по официальному выражению того времени — «временно впавших в нужду») семей фронтовиков, предопределяла самообеспечивающие жизненные стратегии семей. Концентрированное представление о них можно почерпнуть из мемуарных источников, например из воспоминаний А. И. Чепуровой, жившей в селе Казанка Шарлыкского района Чкаловской области. «25 июня 1941 г. наш отец ушел добровольцем на фронт. Тогда все думали, что война будет недолго. Говорили, что через три месяца мы немцев разобьем. И ровно через три месяца, в день рождения отца, мы получили

похоронку. И пошла наша военная жизнь. Мама осталась вдовой в 28 лет, с тремя маленькими детьми — безотцовщиной, как нас потом все время называли. Ох и горько было жить без отца и маленькими, и когда подросли! <...> Осенью надо было платить налоги, страховку, покупать облигации. Летом сдавали молоко государству. Кур не было, а яйца сдавай да еще мясопоставку плати. Овец нет, а шерсть сдавай. Все нужно купить и сдать. Можно было заплатить молоком, но его не хватало. Мы получали пособие — 72 рубля на троих, но все эти деньги уходили на выплату налогов. <...> Хлеба уже не было, ели одну картошку и то по счету: до Рождества — два раза в день. А после Рождества — один раз, вечером, чтобы уснуть в адском холоде. Весной огороды сажать было нечем, и мама ходила в другое село, в Романовку, и нанималась копать огород, чтобы заработать семенную картошку. А ели траву. <...> Летом брат пошел работать — они с учителем ходили полоть пшеницу. И в первый же день он заработал две ложки муки. <...> На другой день на поле пришли не только мы, но и другие дети, учитель взял всех, кому было с 7 до 9 лет, а младших посадили на меже, так как дома их оставить было не с кем. Кому было по 7—8 лет, дергали траву, а кто постарше — собирали у нас траву и выносили на межу. Мы, кто дергал траву, заработали по одной ложке муки, а кто выносил — по две. Совсем маленьким тоже давали по одной ложке муки — за то, что сидели и не плакали. <...> Принесли мы эту муку домой, сходили на колхозный круг, набрали катяши и соломы и опять обжарили муку и оставили маме. Она пришла с работы, посмотрела на нас и заплакала... В 1944 г. жили так же — бедно, голодно и холодно. Летом старший брат пошел работать за трудовни. Ему было 10 лет...» [21, с. 51—52].

Вынужденная военным временем инициация детей, не только взявших на себя отдельные функции отцов и матерей в семье, заменивших их в системе военной экономики, приняла массовый характер как в деревне, так и в городе. В ноябре 1942 г. на республиканском совещании по работе городских школ в Башкирии приводились сведения о причинах отсева из школ учащихся I—IV классов: 5,4 % отсеявшихся не учатся из-за болезни, 60 % — из-за отсутствия одежды и обуви, а 34,6 % — из-за того, что «домовничают, работают»³. На счету уральских школьников военной поры миллионы выработанных в колхозах трудовых, сотни тысяч тонн собранного и отгруженного

¹ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 14. Д. 343. Л. 19—20; ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 126. Л. 17.

² ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 113. Л. 51.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 322. Л. 79.

металлолома, тысячи килограммов переданных в аптеки лекарственных растений, заготовленных для отделов рабочего снабжения предприятий (ОРСов) грибов и ягод и т. д. Трудовая занятость школьников имела временный или сезонный характер и не различала их надолго с домом. Но был и иной вариант вовлечения подростков в трудовую деятельность, связанный с их отрывом от семьи и превращением в городских рабочих-одиночек. В силу дефицита рабочих рук в промышленности подростки и молодежь 14—18 лет подлежали мобилизации в систему Трудовых Резервов с последующим трудоустройством на промпредприятиях, транспорте и в строительстве. Судя по типичным вопросам, заданным на разных собраниях в 1943—1944 гг. («Почему детей, которые еще должны учиться, насильно мобилизуют в ремесленную школу?»¹), многим из них пришлось оставить школу не по своей воле. По данным Г. Е. Корнилова, 69 % обучавшихся в школах фабрично-заводского обучения, ремесленных и железнодорожных училищах Урала в 1940—1945 гг. были выходцами из села [8, с. 41]. Это обстоятельство имело долговременные негативные последствия для деревенской семьи, поскольку оставляло ее без молодежного ресурса.

В годы войны органы статистики вели многообразные учетно-аналитические разработки, в том числе и по ведущим демографическим показателям. Их результаты, без сомнения, были известны высшим органам власти и управления. После освобождения всей территории СССР от немецко-фашистских войск с учетом предстоящих послевоенных задач руководство страны в 1944 г. предприняло шаги по реформированию брачно-семейного законодательства. Прямым «катализатором» семейной реформы послужила необходимость стимулировать деторождение. Кроме того, по мнению П. Л. Полянского, «непосредственной причиной реформы 1944 г. явилось усвоение советским руководством нового взгляда на брак и семью, в соответствии с которым требовалось уже не “раскрепощение”, а укрепление последней. Этот новый взгляд предполагал: контроль и учет возникавших новых брачных связей (а значит, необходимость их регистрации); укрепление семьи с точки зрения защиты ее имущественных прав (а, значит, устранение имущественных претензий посторонних лиц); борьбу с легкомысленным отношением к браку (а значит, затруднение бракоразводной процедуры)» [15, с. 10].

¹ ЦДООСО. Ф. 4. ОП. 38. Д. 159. Л. 101 и др.

Главным актом реформы 1944—1945 гг. стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»². Теперь юридические права и обязанности супругов мог порождать только зарегистрированный брак. Отменялась алиментная ответственность мужчин за внебрачных детей. Устанавливался жесткий порядок развода. Вносились изменения в порядок начисления и взимания налога на холостяков, одиноких и бездетных граждан, введенного осенью 1941 г.: увеличены ставки налога, расширен круг плательщиков за счет привлечения к уплате налога лиц, имевших одного-двух детей³.

На местах была развернута работа по разъяснению нового закона. Если положения Указа об охране материнства и детства сомнений и недовольства не вызывали, то статьи, касающиеся изменений в брачном законодательстве, были встречены женщинами скептически. В информационных сводках о политико-моральном состоянии населения фиксировалось их беспокойство за устойчивость семьи: «Мужчинам дали волю, их сейчас ничем не удержишь, побросают своих жен, раз алименты отменены». Как пример вредных высказываний отмечалось суждение: «У нас сейчас людей осталось мало, новый закон издан для того, чтобы люди больше плодились, каким бы путем это ни происходило»⁴. Любопытные оценки сделал в записи 12 июля 1941 г. в своем дневнике Б. С. Катаев, работавший зам. председателя Челябинской областной плановой комиссии: «Злоба дня — новый закон об охране материнства и младенчества. Что и говорить — закон радикальный. Уловить и угадать его возможные последствия трудно, но попытаемся. Цель ясна — всеми средствами повысить рождаемость и сохранение «молодняка» в возрасте до 1 года (самый «смертный» возраст). Средства, с точки зрения обывателя, допускаются не особо благовидные: всячески поощряются одинокие (незамужние) матери, мужчины избавляются от затрат на содержание ребенка — «сплошной разврат». В вагоне я так и слышал

² Правда. 1944. 9 июля; Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938—1967. Т. 2. М.: Известия, 1968. С. 409—417.

³ Правда. 1941. 24 нояб.; Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. 16 июля.

⁴ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 251. Л. 166, 188.

суждения, что “порядочная девушка, конечно, не допустит внебрачного ребенка”, и большое сомнение насчет алиментов. <...> Обществу нужны живые дети, <...> и этому подчинено все» [5, с. 260].

После выхода Указа от 8 июля 1944 г. заметно усилилась работа по охране материнства и детства. При исполкомах советов создавались отделы выдачи пособий многодетным матерям, в районах появились социально-правовые кабинеты. Расширялась сеть детских и женских консультаций, молочных кухонь. Заводские медсанчасти вместе с администрацией, сельские врачебные участки вместе с правлениями колхозов разрабатывали мероприятия по своим предприятиям. Реализация намеченных мер контролировалась партийными органами. Подводя первые итоги в августе 1944 г., партбюро завода «Кургансельмаш» отметило, что на заводе проведен учет беременных женщин и им выделено дополнительное питание¹. На Кировском заводе в Челябинске женщины в период беременности стали получать дополнительно по 660 г мяса, 1 л молока, 2 кг картофеля и 2 кг овощей. В Златоусте только за 5 месяцев 1944 г. от сверхурочных работ было освобождено 339 женщин, переведено на 8-часовой рабочий день — 1742, на облегченную работу — 87 женщин [20, с. 224].

В архивных документах заключительного года войны обнаруживается пристальное внимание уральских властей к семейно-бытовой сфере, понимание ими государственной важности задач в этой сфере. В марте 1945 г. весь комплекс проблем по выполнению Указа от 8 июля 1944 г. обсуждался в Челябинске на областном совещании советских и хозяйственных органов, работников здравоохранения². В апреле 1945 г. докладчик по вопросу о мерах по закреплению кадров в промышленности Молотовской области на областном партийном активе подчеркнул: «Неудовлетворительное строительство жилья имеет и такое серьезное последствие: выдвигаются искусственные препятствия для создания семьи. Часто молодые пары живут в разных общежитиях. Вопрос серьезен: та молодежь, которая пришла в промышленность в 1941 г. подростками, теперь взрослые люди, желающие создать семьи. Не помогать им в этом — не только наносить ущерб производству, но и преступление с точки зрения простой человеческой морали»³.

¹ ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 11. Д. 142. Л. 154.

² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 9. Д. 203. Л. 1—111.

³ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 146. Л. 41.

Изучение заявленной темы на материалах Урала в постановочном варианте и в первом приближении позволяет прийти к следующим выводам. Несмотря на неблагоприятные условия существования семьи в годы войны, она как социальный институт не была разрушена и продолжала выполнять свои функции. Семейно-бытовые практики местного и прибывшего по эвакуации населения, целиком относящиеся к реалиям тыловой повседневности, выстраивались как под воздействием партийно-государственной политики, так и на основе стратегий самосохранения. Сохранение семьи как института следует рассматривать в качестве важного социального ресурса советского общества, обеспечившего достижение Великой Победы.

1. Богданова Е. Г. Демографические процессы на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2012. 30 с.

2. Гонцова М. В. Повседневная жизнь населения индустриального центра в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Нижний Тагил): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. 30 с.

3. Исупов В. А. Рождаемость населения России в 1939—1945 гг. // Российская история. 2015. № 1. С. 3—18.

4. Исянгулов Ш. Н. Сельское население Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны: численность и естественное движение // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941—1945). М.: Academia, 2007. С. 577—581.

5. Катаев Б. С. Повседневность и война. Челябинский дневник 1941, 1943, 1944. СПб.: Первоград, 2016. 312 с.

6. Корнилов Г. Е. Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны // Отечественная история. 1993. № 3. С. 67—82.

7. Корнилов Г. Е. Уральское село и война: проблемы демографического развития. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. 174 с.

8. Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 222 с.

9. Кринко Е. Л., Тажиудинова И. Г., Хлынина Т. П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941—1945). Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.

10. Кусков С. А. Криминальные аборты в Челябинской области в годы Великой

Отечественной войны // Гороховские чтения : материалы VI регион. музейной конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск : Челяб. гос. краеведческий музей, 2015. С. 388—392.

11. Мерзлякова Г. В. Мать и дитя: испытание войной // Урал в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. : тез. докл. науч.-практ. конф. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. С. 146—150.

12. Палецких Н. П. Проблемы социальной истории Урала периода Великой Отечественной войны в региональной историографии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. Вып. 18. 2012. № 10 (259). С. 32—35.

13. Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск : ЧГАУ, 1995. 184 с.

14. Палецких Н. П. Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны : монография. Челябинск : ЧГАУ, 2007. 168 с.

15. Полянский П. Л. Реформирование советского семейного права в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 21 с.

16. Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск : МАГУ, 2002. 265 с.

17. Соловьева В. В. Бытовые условия персонала промышленных предприятий Урала в 1941—1945 гг.: государственная политика и стратегии адаптации : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. 29 с.

18. Степанова Н. В. Демографические процессы в Пермской области в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 103—111.

19. Уваров С. Н. Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект. Ижевск : Ижевская ГСХА, 2014. 170 с.

20. Усольцева Н. Л. Охрана материнства и детства на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Тыл — фронту : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Великой Победы. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2005. С. 223—226.

21. Хвостова Г. И. Моё село в годы Великой Отечественной войны // Архивы Урала. 1997. № 1(5). С. 45—53.

22. Хисамутдинова Р. Р. Значение писем отцов-фронтовиков в воспитании детей в годы Великой Отечественной войны // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культуры : материалы Девятой междунар. науч. конф. Смоленск ; М. : Изд-во СмолГУ : ИЭА РАН, 2016. Т. 2. С. 240—243.

23. Чайко Е. А. Влияние демографических последствий Великой Отечественной войны

на брачное поведение населения: по материалам фольклора горнозаводских районов Челябинской области // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны : материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 65-летию Великой Победы. Челябинск : ЧГАКИ, 2010. С. 257—263.

24. Чайко Е. А. Феномен семьи у населения горнозаводской зоны в контексте провинциальной повседневности: Катавский и Миньярский районы Челябинской области во второй половине 1920-х — 1950-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2012. 26 с.

References

1. Bogdanova E.G. (2012) Demograficheskie processy na Yuzhnom Urale v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941—1945 gg.). Abstract of thesis. Orenburg, 30 p. [in Rus].

2. Goncova M.V. (2011) Povsednevnyaya zhizn' naseleniya industrial'nogo centra v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah g. Nizhnij Tagil). Abstract of thesis. Ekaterinburg, 30 p. [in Rus].

3. Isupov V.A. (2015) *Rossijskaya istoriya*, no. 1, pp. 3—18. [in Rus].

4. Isyangulov Sh.N. (2007) Sel'skoe naselenie Bashkirskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoj vojny: chislennost' i estestvennoe dvizhenie // Edinstvo fronta i tyla v Velikoj Otechestvennoj vojne (1941—1945). Moscow, Academia, pp. 577—581. [in Rus].

5. Kataev B.S. (2016) Povsednevnyy i vojna. Chelyabinskij dnevnik 1941, 1943, 1944. St. Peterburg, PervoGrad, 312 p. [in Rus].

6. Kornilov G.E. (1993) *Otechestvennaya istoriya*, no. 3, pp. 67—82. [in Rus].

7. Kornilov G.E. (1993) Ural'skoe selo i vojna: problemy demograficheskogo razvitiya. Ekaterinburg, Uralagropress, 174 p. [in Rus].

8. Kornilov G.E. (1990) Ural'skaya derevnya v period Velikoj Otechestvennoj vojny (1941—1945). Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 222 p. [in Rus].

9. Krinko E.L., Tazhidinova I.G., Hlynina T.P. (2013) Chastnaya zhizn' sovetskogo cheloveka v usloviyah voennogo vremeni: prostranstvo, granicy i mekhanizmy realizacii (1941—1945). Rostov na Donu, Izdatel'stvo YUNC RAN, 362 p. [in Rus].

10. Kuskov S.A. (2015) Kriminal'nye aborty v Chelyabinskoi oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Gorohovskie chteniya Chelyabinsk, Chelyabinskij gosudarstvennyj kraevedcheskij muzej, pp. 388—392. [in Rus].

11. Merzlyakova G.V. (1995) Mat' i ditya: ispytanie voinoi // Ural v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941—1945 gg. Ekaterinburg, UrO RAN, pp. 146—150. [in Rus].

12. Paleckih N. P. (2012) *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Social'no-gumanitarnye nauki*, iss. 18, no. 10 (259), pp. 32—35. [in Rus].

13. Paleckih N. P. (1995) Social'naya politika na Urale v period Velikoj Otechestvennoj vojny. Chelyabinsk, CHGAU, 184 p. [in Rus].

14. Paleckih N. P. (2007) Social'nye resursy i social'naya politika na Urale v period Velikoj Otechestvennoj vojny. Chelyabinsk, CHGAU, 168 p. [in Rus].

15. Polyanskij P. L. (1998) Reformirovanie sovet'skogo semej'nogo prava v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Abstract of thesis. Moscow, 21 p. [in Rus].

16. Potemkina M. N. (2002) Evakuaciya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny na Urale: lyudi i sud'by. Magnitogorsk, MAGU, 265 p. [in Rus].

17. Solov'eva V. V. (2011) Bytovye usloviya personala promyshlennykh predpriyatij Urala v 1941—1945 gg.: gosudarstvennaya politika i strategii adaptacii. Abstract of thesis. Ekaterinburg, 29 p. [in Rus].

18. Stepanova N. V. (2014) *Ural'skij istoricheskij vestnik*, no 3(44), pp. 103—111. [in Rus].

19. Uvarov S. N. (2014) Sel'skoe naselenie Udmurtii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: demograficheskij aspekt. Izhevsk, Izhevskaya GSKHA, 170 p. [in Rus].

20. Usol'ceva N. L. (2005) Okhrana materinstva i detstva na Yuzhnom Urale v gody Velikoi Otechestvennoj vojny // *Tyl — frontu*. Chelyabinsk, Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, pp. 223—226. [in Rus].

21. Hvostova G. I. (1997) *Arhivy Urala*, no. 1 (5), pp. 45—53. [in Rus].

22. Hisamutdinova R. R. (2016) Znachenie pisem ottsov-frontovikov v vospitanii detei v gody Velikoi Otechestvennoj vojny // *Materinstvo i otcovstvo skvoz' prizmu vremeni i kul'tur*, vol. 2. Smolensk, Moscow, Izdatel'stvo SmolGU, IEHA RAN, pp. 240—243. [in Rus].

23. Chajko E. A. (2010) Vliyaniye demograficheskikh posledstviy Velikoi Otechestvennoj vojny na brachnoe povedeniye naseeniya: po materialam fol'klora gornozavodskikh raionov Chelyabinskoi oblasti // *Yuzhnyj Ural v gody Velikoj Otechestvennoj vojny*. Chelyabinsk, CHGAKI, pp. 257—263. [in Rus].

24. Chajko E. A. (2012) Fenomen sem'i u naseleniya gornozavodskoj zony v kontekste provincial'noj povsednevnosti: Katavskij i Min'yarskij rajony Chelyabinskoi oblasti vo vtoroj polovine 1920-h — 1950-e gody. Abstract of thesis. Chelyabinsk, 26 p. [in Rus].

For citing: Paletskikh N.P.

Family and household aspects of everyday life in the rear areas: as exemplified by Ural during the Great Patriotic War // *Socium i vlast'*. 2018. № 5 (73). P. 121—129.

UDC 94(47).084.8 (1-072)

FAMILY AND HOUSEHOLD ASPECTS OF EVERYDAY LIFE IN THE REAR AREAS: AS EXEMPLIFIED BY URAL DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Nadezhda P. Paletskikh,

The State History Museum of the Southern Urals, Head of the Sector "From Great Shocks to the Great Victory" of the Department "Russia is My History", Doctor of History, The Russian Federation, 454000, Chelyabinsk, ulitsa Truda, 100. E-mail: palenad@mail.ru

Annotation

For the first time in regional historiography the author makes an attempt to study particular family and household aspects of everyday life of the population of Ural during the Great Patriotic War. Theoretical basis for the study was the hypothesis about the mobilization character of the Soviet society of the Great Patriotic War period. The study was based on the documents from the Ural archives, information published in scientific literature. On the basis of historical information about Big Ural (5 regions and 2 autonomous republics) the author shows that families were divided into two-parent families and single-parent families, including distant, local and evacuated families.

The author considers the impact of gender imbalance among Ural's population on the structure of families and interfamily roles and also mass involvement of women into the system of defense economics. Actions of social aid to child population are characterized. Forms of national assistance to service families are analyzed, self-sufficient family and household practices are described. Breaking of family-marital reform of 1944—1945 in Ural everyday life is shown. The undertaken study made it possible to conclude that despite the unfavorable conditions for family life during the war family as a social institution was not destroyed and continued performing its functions.

Key concepts:

everyday life in the rear areas, family and household practices, Ural, Great Patriotic War.